

В.М. Михайловский

Шаманство. Выпуск I

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
В11

В11 **В.М. Михайловский**
Шаманство. Выпуск I / В.М. Михайловский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 117 с.

ISBN 978-5-518-06813-1

ISBN 978-5-518-06813-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

личныя виды дѣятельности талисеевъ (100—102).—Вѣра въ шаманскую силу и убѣжденность кудесниковъ (102).—Шаманство у Лопарей (102—103).—Камланіе нойдовъ (103—104).—Лопарскій бубень (104—105).—Пріобрѣтеніе шаманскаго званія (105—106).—Гаданіе (106—107).—Священныя животныя нойдовъ (107).—Насыланіе болѣзней (107).—Классификація нойдовъ и вѣра въ ихъ силу (107—108).—Сказаніе о Ризѣ (108—109).—Вотяцкіе шаманы (109).—Дѣятельность туно (109—110).—Достиженіе званія туно (110—111).—Положеніе шамана (111).—Пелляскисъ и веднигъ (111).—Вотяцкіе заговоры (112).—Остатки шаманства у Черемисъ и Чувашей (112—114), Мордвы (114—115) и Киргизовъ (115).—Общность шаманскихъ явленій у русскихъ инородцевъ (115)

I.

МІРОСОЗЕРЦАНІЕ ШАМАНІСТОВЪ.

Изъ всѣхъ отдѣловъ этнографіи самымъ труднымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ важнѣйшихъ представляется тотъ, въ которомъ подвергаются научному изслѣдованію возрѣніи народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ развитія, на явленія окружающаго міра и ихъ собственной психической жизни. Вопросы этого рода связаны тѣсно съ религіозными представленіями людей обыкновенно называемыхъ дикими, которые, какъ видно изъ показаній большинства путешественниковъ, съ большимъ стараніемъ скрываютъ отъ любопытства постороннихъ пришельцевъ все, что могло бы раскрыть внутренній смыслъ обрядовъ съ перваго взгляда странныхъ и нелѣпыхъ. Весьма часто особыя религіозныя предписанія не дозволяютъ говорить прямо о божествахъ и обо всемъ, что къ нимъ относится; такая недоумчивая осторожность породила ложное представленіе о существованіи на земномъ шарѣ народовъ, совершенно лишенныхъ религіи. Но кромѣ препятствій, созданныхъ условіями быта самихъ нецивилизованныхъ народовъ, существуютъ еще болѣе серьезныя причины, долгое время устранившія возможность правильной разработки этнографическихъ фактовъ этого порядка. Какъ собиратели этнографическихъ матеріаловъ, такъ и ученые, занимавшіеся ихъ обработкою, относились до послѣдняго времени къ своему предмету съ различными предубѣжденіями: они не обладали сознательнымъ стремленіемъ къ объективному пониманію вѣрованій и взглядовъ людей, занимающихъ по культурному своему развитію столь низкое мѣсто; они никакъ не могли проникнуть достаточно глубоко въ своеобразное и чуждое нашимъ понятіямъ міросозерцаніе этихъ дѣтей природы. Узкость взглядовъ и презрительное высокоуміе долго царили въ наукѣ и мѣшали точному выясненію сложныхъ вопросовъ, подлежащихъ ей вѣдѣнію. Достаточно вспомнить добродушные отзывы о безсмысленныхъ суевѣріяхъ французскаго монаха—путешественника Андрея Теве, посѣтившаго въ XVI ст. Америку и приписывавшаго видѣнія американцевъ навожденію дьявольскому, или же характеристики другаго монаха XVII ст. Добрингофера, описавшаго бытъ Абиноновъ, одного южно-американскаго племени, въ которыхъ вездѣ сквозитъ сожалѣніе о заблужденіяхъ грубыхъ дикарей¹⁾. Въ томъ же XVIII ст. въ предѣлахъ Россіи пѣмецъ Гмелинъ и русскій Крашенинниковъ съ такимъ же непониманіемъ истиннаго значенія сообщаемыхъ фактовъ изображали вѣрованія разныхъ сибирскихъ инородцевъ. Даже въ XIX вѣкѣ миссіонеры, положившіе много трудовъ на распространеніе христіанскаго просвѣщенія, не были въ состояніи безпристрастно представить религіозныя міровозрѣнія языческихъ племенъ. Стоитъ для примѣра взять книги англиканскаго пастора Моффата и іезуита Шильманна, посвященныя быту южно-африканскихъ народовъ, чтобы видѣть до какой степени честные и разумные наблюдатели могутъ ошибаться вслѣдствіе своей предубѣжденности. Неудивительно, что въ то время, когда историки вполне усвоили научныя приемы и привыкли оцѣнивать поступки дѣятелей и явленія

¹⁾ *Thevet A. Les Singularitez de la France Antarctique, 168—179. Dobrizhoffer. Historia de Abiponibus.*

жизни отдаленныхъ эпохъ, примѣняя въ этомъ случаѣ мѣрку тѣхъ временъ и, слѣдовательно, соблюдая историческую перспективу. этнографы до сихъ поръ не могли стать на должную точку и только въ послѣдніи десятилѣтія начали отрѣшаться отъ указанныхъ выше заблужденій.

Между тѣмъ этнографическій матеріалъ не ждетъ завершения развитія здравыхъ взглядовъ въ наукѣ, количество его уменьшается съ каждымъ годомъ и притомъ онъ быстро утрачиваетъ свой непосредственный характеръ. Малокультурные народы или вымираютъ совсѣмъ или же подпадаютъ вліянію цивилизаціи и безслѣдно теряютъ многія особенности своего быта важныя для науки. Скоро наступитъ моментъ, когда этнографы, лишившись живыхъ, видимыхъ источниковъ, должны будутъ, подобно историкамъ, пользоваться вещественными остатками и письменными свидѣтельствами очевидцевъ для воссозданія быта, уже несуществующаго. Въ виду этихъ обстоятельствъ научное выясненіе вопросовъ, подвергавшихся субъективному и тенденціозному толкованію можетъ повліять на собраніе новыхъ фактовъ и принести какъ обр. нѣкоторую пользу въ дѣлѣ обогащенія нашихъ этнографическихъ знаній.

Къ числу подобныхъ вопросовъ принадлежитъ шаманство, занимающее видное мѣсто въ религіозной и общественной жизни нецивилизованныхъ народовъ. Благодаря эффектнои обетановки и оригинальности своего проявленія, оно съ давнихъ поръ обращало на себя вниманіе и путешественниковъ и изслѣдователей. За немногими исключеніями, всѣ писатели, толковавшіе о шаманствѣ и шаманахъ, останавливались лишь на внѣшностяхъ и разсматривали вѣроученія шаманистовъ, какъ собраніе грубыхъ безмысленныхъ бредней, порожденныхъ глубокимъ невѣжествомъ; самихъ же шамановъ они считали хитрыми обманщиками, пользующимися, ради личныхъ выгодъ, легковѣріемъ своихъ недалекихъ и простодушныхъ соплеменниковъ. Такъ напр. Гмелинъ въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, участвовавшій въ научной экспедиціи для изслѣдованія Сибири, въ своемъ изученіи не руководился стремленіемъ выяснитъ объективнымъ образомъ возрѣнія и дѣйствія шамановъ, камлавшихъ передъ нимъ и доставлявшихъ всѣ средства для ознакомленія съ ихъ обрядами. Нѣмецкій ученый часто и подробно говоритъ о видѣнныхъ шаманскихъ таинствахъ, но въ нихъ онъ усматриваетъ только желаніе обмануть и задается главнымъ образомъ обличительной пѣлюю. Нѣмецкій ученый, состоявшій на русской службѣ, старается раскрыть обманы шамановъ, доказать ихъ недобросовѣтность и, слѣдовательно, является не серьезнымъ писателемъ, изучающимъ своеобразныя явленія, а лютеранскимъ пасторомъ проповѣдникомъ, рассказывающимъ объ открытыхъ имъ ухищреніяхъ при производствѣ шаманскихъ фокусовъ. Желая уничтожить языческія суевѣрія, онъ со злорадствомъ рассказываетъ о томъ, какъ сибирскіе толкователи судебъ не могли разгадать предложенныхъ имъ вопросовъ относительно забытыхъ или потерянныхъ вещей и оставленныхъ дома родственникахъ и знакомыхъ и такимъ образомъ изобличали свое невѣжество и недостатокъ проницательности²⁾. Даже въ наше время такой извѣстный монголистъ, какъ г. Поздигевъ, касаясь шаманства, говоритъ не объ необходимости тщательнаго его изученія, а сравниваетъ инородцевъ, исповѣдующихъ буддизмъ съ шаманистами, находитъ ихъ болѣе развитыми и дѣлаетъ заключенія, что «шаманство, какъ религія, по самому составу, никогда не могла имѣть никакого образовательнаго значенія для народа»³⁾.

²⁾ *Gmelin*, Reise durch Sibirien. I. IV 1751—1752

³⁾ *Поздигевъ* 4. Образцы народной литературы монгольскихъ племенъ. Вып. I 1880, стр. 277—278.

Для болѣе безпристрастнаго ознакомленія съ шаманствомъ и его ролью необходимо приступить къ разрѣшенію этой сложной задачи, пользуясь современными методами изслѣдованія, давшими столь блестящіе результаты въ естествознаніи и пріобрѣтающими въ послѣднее время самое широкое примѣненіе въ наукахъ общественныхъ и историческихъ. Руководясь подобными научными принципами для уразумѣнія этого этнографическаго явленія, необходимо прежде всего ознакомиться съ той почвой, на которой оно могло зародиться, съ тѣмъ религіознымъ строемъ, однимъ изъ важнѣйшихъ проявленій котораго оно служить. Но этого недостаточно; самый матеріалъ подлежитъ значительному разширенію и обогащенію. До сихъ поръ шаманство разсматривалось, какъ особая религіозная система, свойственная только русскимъ инородцамъ, и лишь изрѣдка попутно цитировались аналогичные факты изъ быта и воззрѣній другихъ народовъ, живущихъ внѣ предѣловъ нашего государства. Такой узкій взглядъ, несвойственный приемамъ сравнительнаго метода, долженъ быть оставленъ. Во первыхъ, шаманство не опредѣленная религіозная система, а особое явленіе, возникшее на извѣстной ступени религіознаго развитія и только впоследствии путемъ переживанія сохранившееся при извѣстныхъ условіяхъ и на другихъ высшихъ стадіяхъ, во вторыхъ, при такомъ отношеніи къ изучаемому вопросу тѣствія и воззрѣнія шамановъ едѣлаются достоинствомъ общей этнографіи и займутъ свое опредѣленное мѣсто въ исторіи человѣческой культуры. Такимъ образомъ, на основаніи вышесказаннаго, необходимо прежде всего охарактеризовать міросозерцаніе тѣхъ народовъ земного шара, среди которыхъ въ настоящее время встрѣчается или въ полномъ развитіи или въ состояніи переживанія своеобразная форма шаманства. Мы имѣемъ право говорить о шаманствѣ и шаманахъ у самыхъ отдаленныхъ народовъ, не имѣющихъ по пронихожденію ничего общаго съ тѣми русскими инородцами, среди которыхъ эти термины возникли или же пріобрѣли право гражданства, на основаніи примѣра многихъ нѣмецкихъ, голландскихъ, англійскихъ и американскихъ ученыхъ, которые въ своихъ этнографическихъ трудахъ употребляютъ названіе шамана какъ общій терминъ, получающій свое опредѣленное мѣсто въ этнографической наукѣ.

Всякій человѣкъ, какъ бы низко ни стоялъ онъ по своему развитію, употребляетъ все усилія, чтобы какъ можно лучше устроить свою жизнь, защититься отъ окружающихъ опасностей. Этотъ принципъ самосохраненія служитъ источникомъ эгонетическихъ чувствъ, предшествующихъ въ своемъ появленіи развитію альтруизма и чувствъ общественныхъ. Средства, примѣняемые къ осуществленію жизненныхъ цѣлей, соответствуютъ степени развитія человѣка. Чѣмъ выше культура, тѣмъ больше средствъ разумныхъ, основанныхъ на знаніи природы въ его распоряженіи, тѣмъ онъ предусмотрительнѣе, сильнѣе и слѣдовательно свободнѣе отъ господства силъ природы и всякихъ случайностей жизни. Такъ называемые дикари, т.-е. мало-культурные люди, живя подъ неограниченной властью окружающихъ естественныхъ условій и слѣдлага случая, замѣняютъ знаніе законовъ міра физическаго и предусмотрительность, дающую возможность избѣгать вредныхъ случайностей, стремленіемъ спискать расположеніе, умилоствитъ грозныя стихіи предугадать будущее. Доставленіе болѣе обильныхъ средствъ пропитанія, защита отъ засухи, грома, бури, болѣзней, смерти и козней враговъ какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ составляютъ предметъ опасеній и заботъ некультурныхъ народовъ. Особые средства, употребляемые для устранения опасностей, производимыхъ таинственными невѣдомыми силами, не могутъ быть всемъ доступны; ими обладаютъ среди подобныхъ наро-

довъ люди, исключительно одаренные по своей организаціи, являющіеся посредниками между своими соплеменниками и этими загадочными силами. Для обозначенія такихъ посредниковъ многіе ученые, какъ было уже выше сказано, стали употреблять названіе шамана, а дѣйствія ихъ могутъ быть наименованы шаманствомъ. Чѣмъ выше развитіе малокультурныхъ народовъ, тѣмъ опредѣленнѣе положеніе шамановъ и систематичнѣе организація самого шаманства; чѣмъ грубѣе народъ, тѣмъ случайнѣе появленіе особо одаренныхъ лицъ и тѣмъ произвольнѣе ихъ дѣятельность. Хотя шаманисты различаются во многомъ по своей культурѣ и цивилизаціи, но въ ихъ міросозерцаціи есть общія черты, имѣющія самое тѣсное отношеніе къ шаманству. Только тамъ, гдѣ эти особенности существуютъ, возможно появленіе среди даннаго народа шамановъ и слѣдовательно, не взирая на значительныя различія, представляется возможность выдѣлить то, что свойственно шаманству и сдѣлать такимъ образомъ сводъ основныхъ воззрѣній, характеризующихъ міросозерцаціе шаманистовъ.

Природа, человѣкъ и божество составляютъ предметъ размышленій пытливыхъ умовъ на всѣхъ ступеняхъ развитія человѣческой культуры. Отъ дѣтскихъ мечтаній дикари до строго научныхъ теорій современныхъ изслѣдователей и мыслителей человечество прошло длинный путь и побороло громадныя затрудненія. Но, не смотря на различные способы разрѣшенія, вопросы, надъ которыми трудится мысль человѣка, остаются неизмѣнно одни и тѣ же, только порядокъ въ ихъ разсмотрѣніи подвергся нѣкоторому перемѣщенію. Люди низшей культуры брали за точку отправленія человѣка съ его психическими и физическими признаками и все у него замѣченное переносили какъ въ область природы, такъ и въ сферу дѣятельности боговъ. Явленія и силы природы и сами боги надѣлялись человѣческими свойствами, хотя вначалѣ не получали еще человѣческаго образа. Народы высшей культуры стремятся къ обратному порядку дѣйствій; они имѣютъ наклонность пользоваться для выясненія духовной природы человѣка и его дѣятельности тѣми законами, которые намъ даетъ естествознаніе. Разумѣется, между этими двумя противоположными состояніями человѣческой мысли существуетъ длинный рядъ переходныхъ стадій развитія. Сообразно съ такимъ распределеніемъ при разсмотрѣніи основныхъ сторонъ міросозерцаціи необходимо прежде всего ознакомиться съ представленіями, которыми обладаетъ мало культурный человѣкъ относительно своей собственной духовной жизни.

Подобно тому, какъ нѣтъ народовъ, не умѣющихъ добывать огня, пользоваться каменными либо простѣйшими орудіями, такъ и во всей богатой этнографической литературѣ мы не найдемъ ни одного племени, не имѣющаго въ большей или меньшей степени яснаго представленія о душѣ и ея безсмертіи. Самый фактъ повсемѣстнаго существованія похоронъ съ извѣстной обстановкой и со строго опредѣленными обрядами служитъ очевиднымъ доказательствомъ распространенности этого убѣжденія. По толкованію Терпера туземцы архипелага Самоа въ самомъ названіи души *анганга* выражаютъ вѣрованіе, что она, отрѣшившись отъ тѣла, уходитъ: слѣдовательно, они признають душу, какъ нѣчто отдѣльное отъ тѣла. Удалвшись, она живетъ, по ихъ представленіямъ, въ особой странѣ, лежащей подъ океаномъ ⁴⁾. У Австралійцевъ всякій туземецъ, достигшій четырехъ или пятилѣтняго возраста обладаетъ духомъ, который при его жизни находится въ состояніи сна, а послѣ смерти дикаря становится видимымъ, хотя и не имѣетъ опредѣленной формы ⁵⁾.

⁴⁾ Turner. Samoa a hundred years ago. 1884. стр. 16.

⁵⁾ Dawson. Australian Aborigines. Melbourne. 1881. стр. 50.

Здѣсь мы не встрѣчаемъ уже такого яснаго сознанія души, какъ особаго элемента, входящаго въ составъ живого человѣка. Жители одного изъ острововъ архипелага Бисмарка признаютъ безсмертіе души, отправляющейся послѣ кончины человѣка на одинъ близъ-лежащій островъ ⁶⁾. Мавданы въ Сѣверной Америкѣ вполне опредѣленно высказываютъ ученіе о вѣчномъ существованіи души ⁷⁾. То же вѣрованіе встрѣчаемъ мы и у ихъ со-племенниковъ Чоктавовъ. Одинъ изъ ихъ представителей заявилъ положительно: „весь нашъ народъ вѣритъ, что духъ обладаетъ будущей жизнью“ ⁸⁾. У Гезонъ, одного изъ южно-американскихъ племенъ, это убѣжденіе въ загробной жизни души выразилось въ весьма наглядной формѣ. Черезъ годъ послѣ погребенія покойника на его могилу приходятъ всѣ близкіе, вырываютъ останки и рассказываютъ умершему обо всемъ, что за это время случилось въ ихъ деревнѣ и въ его семьѣ ⁹⁾. Во время Вотяцкихъ похоронъ и поминокъ къ мертвену обращаются со словами и убѣжденіями, какъ къ живому, имѣя, разумѣется, въ виду душу, а не тѣло ¹⁰⁾. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда изслѣдователи склонны заподозривать существованіе этого вѣрованія, они не могутъ, однако, вполне его отвергнуть. Напр. Фричъ говоритъ о Басуто—южно африканскомъ народѣ, что они своимъ представленіемъ о безсмертіи души не дали опредѣленной послѣдовательно выработанной формы, но, слѣдовательно, и тутъ существуетъ хотя и смутное сознаніе, что въ человѣкѣ имѣется особое начало, отличное отъ тѣла ¹¹⁾. Самыми малоразвитыми въ этомъ отношеніи являются Самоѣды. Они обладаютъ какимъ-то смутнымъ представленіемъ, что со смертію человѣка все кончается. Правда, душа нѣкоторое время продолжаетъ жить въ могилѣ и потому подлѣ покойника устраиваютъ очагъ, кладутъ съ нимъ ножъ, топоръ, копьѣ, деньги, другія необходимыя вещи и убиваютъ оленей, повторяя это жертвоприношеніе по нѣскольку разъ, но когда трупъ истлѣетъ, то все существованіе, даже загробное, прекращается. Только одни шаманы тадибен имѣютъ привилегію получать полное безсмертіе. Изъ разсказа Кастрена можно заключить что тадибен, желая возвеличить свою власть, затемнили первоначальное вѣрованіе въ общее безсмертіе ¹²⁾. Еще болѣе проглядываетъ вѣра въ загробную жизнь души въ описаніи погребальныхъ обрядовъ у самыхъ разнообразныхъ народовъ. Эскимосы кладутъ подлѣ могилы какъ покойнаго, его стрѣлы и различныя орудія, которыя тотъ употреблялъ при жизни, а съ женщинами хоронятъ ихъ ножи и иголки ¹³⁾. Камчадалы бросаютъ мертвеца собакамъ на съѣденіе въ томъ убѣжденіи, что человѣкъ, котораго съѣдятъ собаки, на другомъ свѣтѣ будетъ ѣздить на добрыхъ собакахъ ¹⁴⁾. Сосѣди ихъ Коряки сжигаютъ тѣла съ извѣстными обрядами. Нарядивъ покойника въ лучшее платье, отвозятъ его на мѣсто сожженія на тѣхъ оленяхъ, которые особенно были любимы умершему. На костеръ кладутъ копыя, сайдаки, стрѣлы, ножи, топоры, котлы и проч. Пока костеръ горитъ, они колютъ оленей, на которыхъ привезли мертвеца, съѣдаютъ ихъ, а остатки бросаютъ въ огонь ¹⁵⁾.

⁶⁾ *Pfeil Graf.* Land und Volk im Bismarck-Archipel. Verhandl. der Gesel. für Erdkunde zu Berlin. B. XVII, 152.

⁷⁾ *Cullin.* Manners, customs and condition of the North American Indians. I. 156.

⁸⁾ *Cullin.* II, 127.

⁹⁾ *Martius.* Beitr. zur Ethnogr. u. Sprachenkunde Amerika s. I. 291.

¹⁰⁾ *Смирновъ.* Вотани. Казань, 1890. стр. 181 и 183.

¹¹⁾ *Fräisch.* Die Eingeborenen Süd-Afrika's. 198—199.

¹²⁾ *Castren.* Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844. стр. 264.

¹³⁾ *Ganz.* Historie von Grönland. 1770. B. I. 301.

¹⁴⁾ *Кривенинниковъ.* Описаніе земли Камчатки. 1755. т. II. 136.

¹⁵⁾ *Кривенинниковъ.* II, 166.

Тутъ же въ Сибири около Байкала у Бурятъ въ могилу вмѣстѣ съ покойникомъ кладутъ одежду и другія житейскія принадлежности, приводятъ любимаго коня и убиваютъ его или пускаютъ въ стѣну, чтобы умершій могъ ѣздить на немъ ¹⁶⁾). Конь этотъ еще при жизни бурята посвящается шаманомъ съ особыми обрядами: на немъ не ѣздятъ и его берегутъ на случай смерти господина ¹⁷⁾). Тунгусы зааниваютъ трупъ въ оленью шкуру и вѣшаютъ на дерево съ любимымъ оружіемъ умершаго и котломъ, дно котораго пробивается ¹⁸⁾). Ихъ соедѣн Якуты въ прежнее время имѣли обыкновеніе въ случаѣ смерти знатнаго человѣка хоронить съ нимъ верховаго коня со всею сбруей, другого коня, навьюченнаго съѣзными принасами и дорогими мѣхами, и затѣмъ живо погребали человека, который долженъ былъ прислуживать покойному на томъ свѣтѣ. Теперь они ограничиваются принесеніемъ въ жертву его любимаго верховаго коня ¹⁹⁾). Улаганскіе Теленгиты въ Алтайскихъ горахъ одѣваютъ тѣло мертвеца и кладутъ въ юртѣ около огня; тутъ же кладется табакъ и въ небольшую ямку, выкопанную въ землѣ, вливается чашка араки и ставится ѣда. Въ могилу вмѣстѣ съ покойникомъ зарываютъ котель, чашку, трубку, табакъ, войлоки, сѣдло и даже веревки, а близъ могилы родственники убиваютъ самымъ мучительнымъ образомъ его верховую лошадь ²⁰⁾). Переходя въ Европейскую Россію, мы встрѣчаемъ у Вотяковъ тотъ же самый обычай. Они кладутъ въ гробъ вмѣстѣ съ умершимъ многія его вещи: инструментъ для плетенія лаптей, ножъ, ложку, пицу, табакъ, мешечекъ съ деньгами, а у дѣтей игрушки ²¹⁾). Мать умершаго ребенка въ церкви при отиѣваніи выжимаетъ ему въ ротъ три раза понемногу молока изъ груди ²²⁾). Чувашки Златоустовскаго уѣзда Уфимской губерніи опускаютъ покойника въ могилу, въ которой поставлено четыре доски вмѣсто гроба; на одной изъ нихъ прорѣзано оконечко; на днѣ посланъ войлокъ и положена въ изголовьи подушка. Въ этотъ гробъ умершаго кладутъ на бокъ и туда же бросаютъ нѣсколько съѣзныхъ принасовъ, вещей и денегъ. упомянутыя вещи кладутся Чувашами для того, чтобы умершій, явись въ другую жизнь, могъ представить ихъ въ доказательство, что онъ былъ человѣкъ трудолюбивый и жилъ на землѣ хорошо и, слѣдовательно, достоинъ получить и тамъ хорошее мѣсто ²³⁾). Въ Сѣверной Америкѣ у Тетонъ Сіу все имущество умершаго хоронится съ нимъ. Его одѣваютъ въ лучшія одежды, а любимую лошадь, осѣдлавъ и украсивъ, убиваютъ близъ тѣхъ высокихъ подмостковъ, на которыхъ поконится тѣло. Часть хвоста они кладутъ у головы умершаго, думая, что духъ его будетъ ѣздить на своемъ любимомъ конѣ ²⁴⁾). Въ тропической южной Америкѣ дикіе Манаосы зарываютъ въ могилу вмѣстѣ съ трупомъ одежды, украшенія и изломанное оружіе ²⁵⁾). На островахъ Новой Зеландіи воинственные Маори, погребая вождя или храбраго воина, кладутъ съ нимъ все его оружіе ²⁶⁾).

16) Шапкоаъ. Шаманство въ Сибири. Записки Импер. Рус. Г. О. 1864. кн. II, 58.

17) Gmelin. III, 33.

18) Шапкоаъ. 58.

19) Припуюаъ. Шаманство у якутовъ Якутскаго округа. Извѣстія В. С. О. Имп. Г. О. т. XV, 65.

20) Адрианоаъ. Путешествіе въ Алтай и за Саяны. Записки Имп. Р. Г. О. т. XI. 333-334.

21) Buch. Max. Die Wotjaken. 143.

22) Buch. 145.

23) Мещиноаъ. Этнографическій очеркъ быта и обычаевъ Чувашъ Уфимской губерніи, Златоустовскаго уѣзда. Записки Оренб. Оуд. Имп. Р. Г. О. Вып. III, 243.

24) Dorsay. Teton Folk-Lore. American Anthropologist. Vol II. 144.

25) Martins. I, 590.

26) Kery-Nicholls. The Origin, Physical Characteristics, and Manners and Customs of the Maori Race. Journal of Anthropological Institute. Vol. XV. 200.

Къ западу отъ Суматры на островѣ Ніасѣ туземцы совершаютъ похороны своихъ вождей весьма торжественно. Изъ обрядовъ особенно замѣчательнъ по своей оригинальности слѣдующій: Подъ самой кровлей, надъ большимъ, привязываютъ раба и морятъ его голодомъ съ тѣмъ, чтобы, въ моментъ смерти вождя, можно было сбросить на умирающаго господина его раба также испускающаго послѣднее дыханіе. Души ихъ одновременно унесутся такъ обр. въ загробный міръ. У могилъ они вѣшаютъ мешочки съ рисомъ и бетелемъ, а на самой могилѣ кладутъ разбитыя тарелки ²⁷⁾). Южноафриканскіе Вечуаны натираютъ могилу лукомъ, подлѣ мертвеца бросаютъ вѣтку акаціи, различные корни, боевую сѣкиру, конья, хлѣбъ, сѣмена огородныхъ растений и кость стараго быка ²⁸⁾).

Приведенный выше перечень предметовъ, погребаемыхъ вмѣстѣ съ покойникомъ у самыхъ различныхъ племенъ земного шара, съ соблюденіемъ разнообразныхъ обрядовъ, вводитъ насъ въ совершенно чуждый и оригинальный міръ и даетъ возможность выяснитъ особенности міросозерцанія малокультурнаго человѣка. Матеріалистическое представленіе души и ея безсмертія отражается въ обстановкѣ похоронъ, во время которыхъ дикіе и полудикіе люди выказываютъ съ одной стороны пѣжнія заботы объ усопшихъ, а съ другой проявляютъ эгоистическій страхъ въ случаѣ неисполненія желаній умершихъ, вредящихъ, вслѣдствіе неудовлетворенности своихъ потребностей, живымъ родственникамъ и друзьямъ. Фантазія этихъ дѣтей природы не можетъ представить жизнь загробную иначе, какъ на основаніи данныхъ, добытыхъ изъ обстановки и условій своей собственной жизни. Алтайцы, напр., говорятъ: „На томъ свѣтѣ мы будемъ жить такъ же, какъ и здѣсь, т. е. будемъ сѣять хлѣбъ, водить скотъ, пить вино и ѣсть говядину. Только на томъ свѣтѣ мы будемъ жить гораздо богаче, потому что намъ будетъ отданъ не только весь тотъ скотъ, который мы имѣли на землѣ, но и тотъ, который околѣлъ“ ²⁹⁾ Гилики на низовьяхъ Амура тоже убѣждены, что души или духи умершихъ продолжаютъ жить на небѣ такимъ же образомъ, какъ они жили на землѣ ³⁰⁾). Вѣра въ то, что душа послѣ смерти продолжаетъ за гробомъ болѣе или менѣе самостоятельное существованіе, можетъ считаться повсемѣстнымъ явленіемъ, твердо установленнымъ этнографической наукой.

Приведенные выше примѣры должны были подготовить къ разрѣшенію вопроса о томъ, какъ представляютъ себѣ низшіе расы духовное начало въ человѣкѣ, и какими свойствами онѣ надѣляютъ человѣческую душу. Душа, какъ нѣчто отдѣльное отъ тѣла представляется въ болѣе или менѣе ясныхъ образахъ, но нельзя сказать, чтобы у какого либо племени, изъ малокультурныхъ, существовало определенное воззрѣніе насчетъ духовности души, какъ той части человѣка, которая во всѣхъ отношеніяхъ рѣзко отличается отъ тѣла, съ его матеріальными признаками; такъ, Австралийцы никакъ не могутъ составить себѣ понятіе о душѣ въ ея отвлеченномъ видѣ; она у нихъ зависитъ отъ тѣла, съ которымъ, повидимому, связана и будущая жизнь ³¹⁾). Такъ обр. свойства тѣла переносятся и на самую душу; она реальна, но только болѣе тонка по своему строенію. Новокаледонцы отличаютъ въ человѣкѣ двѣ субстанціи: видимое тѣло и невидимую душу, которая, однако, имѣетъ форму человѣка ³²⁾). Новозеландцы Маори не только признаютъ существованіе души послѣ смерти,

²⁷⁾ *Rosenberg*. Der Malayische Archipel 158.

²⁸⁾ *Spillmann*, Vom Cap zum Zambesi 116.

²⁹⁾ *Потанинъ*. Очерки сѣверо-западной Монголіи, в. IV, 133—134.

³⁰⁾ *Deniker*. Les Ghiliaks. Rev. d'Éthnographie II. 304.

³¹⁾ *Lamholz*. Among the Natives of Australia. Bull. of the Amer. Geograph. Soc. XXI, 29.

³²⁾ *De l'auv*. Les Canaques de la nouvelle Calédonie. Rev. d'Éthnogr. II, 343.

но и считаютъ ея состояніе вполне духовнымъ, однако и они придаютъ душѣ тотъ образъ, который соответствуетъ виду живаго человѣка³³⁾. Въ одной бурятской сказкѣ вполне отчетливо передается представленіе о вещественности души, которая можетъ слышать, видѣть, причемъ принимаетъ образъ пчелы. Одинъ Бурятъ увидѣлъ, какъ изъ носа спавшаго товарища выползла пчела, какъ она летала около юрты, залетѣла въ какую-то пору, затѣмъ выползла изъ отверстія и, возвратившись въ юрту, ходила по краю корыта съ водою, потомъ, упавъ въ воду, съ трудомъ изъ нея выбралась и, наконецъ, опять вернулась въ носъ спавшаго. Изъ разспросовъ оказалось, что сновидѣнія спавшаго Бурята вполне соответствовали дѣйствіямъ и приключеніямъ пчелы. Этимъ объясняется, почему Буряты никогда не убиваютъ пчелъ, залетающихъ въ юрту³⁴⁾. На то, что низшія расы представляютъ душу въ человѣческомъ образѣ намекаетъ одно вѣрованіе, весьма распространенное среди различныхъ племенъ. Многіе народы думаютъ, что между изображеніемъ человѣка и его душею существуетъ нѣкоторая таинственная связь. Сѣвероамериканскіе индѣйцы Дакота боялись давать снять съ себя портретъ, думая, что ихъ душа будетъ связана съ изображеніемъ и не попадетъ въ лучшій міръ³⁵⁾. Древніе монголы до принятія буддизма имѣли обыкновеніе, въ случаѣ смерти любимаго человѣка, сдѣлавъ фигуру на подобіе покойнаго, хранить ее въ своихъ домахъ и оказывать ей почтене³⁶⁾. Среди Якутовъ неутѣшные родители, послѣ смерти маленькой дочери, приготовляютъ изъ бабки лошади куклу, причемъ голова дѣлается серебряная и лицо должно быть похоже на умершую. Богатые одѣваютъ куклу въ мѣха чернобурой лисенцы, а бѣдные въ мѣха горностага. Изображенія эти назывались у Якутовъ кысь тангара (дѣвочка богини) ставились въ юртахъ и надѣлялись различными приношеніями³⁷⁾. Желая выразить духовность души, многіе народы называютъ ее тѣнью³⁸⁾, или же уподобляютъ, какъ показываетъ самое названіе, дыханію, дуновенію вѣтра. Жители острова Ніаса къ западу отъ Суматры, утверждаютъ, что послѣ смерти человѣка его душа возвращается къ источнику своего происхоженія — вѣтру³⁹⁾.

Подобный взглядъ показываетъ неспособность малокультурныхъ людей къ отвлеченному мышленію; они не могутъ составить яснаго представленія о духѣ въ его противоположности съ матеріей и душу считаютъ чѣмъ то болѣе тонкимъ, чѣмъ тѣло, но, однако, вещественнымъ. Одно сказаніе Самоавцевъ проливаетъ свѣтъ на воззрѣнія цивилизованныхъ народовъ по поводу матеріальной природы души. Однажды два брата заклинателя пристали ночью къ острову Алеипата въ то время, когда гонцы извѣщали народъ объ опасной болѣзни вождя Пуепуемай. Подойдя къ хижинѣ больнаго, заклинатели увидѣли горныхъ боговъ, сидящихъ у входа въ нее. Боги передавали другъ другу завернутую въ листъ душу умирающаго, которую имъ подали боги, находившіеся въ самомъ домѣ. Одинъ изъ боговъ сказалъ ближайшему заклинателю: „возьми это!“ и, принявъ въ темнотѣ, по ошибкѣ, смертнаго человѣка за своего товарища, передалъ

³³⁾ *Kerry Nicholls*, 200.

³⁴⁾ *Дакотоозъ и Хантаюозъ*. Матеріалы для изученія шаманства въ Сибири. Шаманство у Бурятъ Иркутской губ. Извѣстія В. С. Отд. Имп. Рус. Г. Общ. XIV. 58.

³⁵⁾ *Dorsey*, 143.

³⁶⁾ *Байзюозъ*. Черная вѣтра. 97—98.

³⁷⁾ *Принююозъ*, 60.

³⁸⁾ *Buch*, 143. *Dawson*, 51.

³⁹⁾ *Rosenberg*, 175.